

Дмитрий Котомцев

Литературовед. Родился в 2000 году в Антраците. Учитель русского языка и литературы ГУ ЛНР «Гимназия № 30 имени Н.Т. Фесенко». Публиковался в альманахе «Крылья». Живет и работает в Луганске.

«ВОСПОМИНАНИЯ, ПРОСВЕЧИВАЮЩИЕ СКВОЗЬ ЖИЗНЬ...»

Приступая к эссе, я вспоминаю слова из романа «Лавр» Евгения Водолазкина, который любила Лариса Владимировна: «Плачь и молись, Арсение. И не бойся смерти, потому что смерть – это не только горечь расставания. Это и радость освобождения».

Но всегда хочется быть там, где «всё так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрёт» (В. Набоков)...

Правда, в «Лавре» есть и такие утешительные слова: «Знаешь, друже, всякая встреча больше ведь, чем расставание. До встречи – пустота, ничто, а после расставания пустоты уже не бывает. Встретившись однажды, полностью расстаться невозможно. Человек остаётся в памяти как её, памяти, часть. Эту часть создал он, и она живёт и иногда входит в соприкосновение со своим создателем. Иначе отчего же мы чувствуем дорогих людей на расстоянии?»

С уходом Ларисы Владимировны закрывается замечательная книга жизни доброго человека, проницательного литературоведа, мудрого учителя.

Но «воспоминания, просвечивающие сквозь жизнь», остаются.

Знакомство. Зимой 2016 года мне повезло добраться до республиканского этапа олимпиады школьников по литературе. Много лет председателем, как я узнал позже, была Лариса Владимировна Черниенко (умные и добрые глаза, острый взгляд, весёлый голос). Она приветствовала нас, положив перед собой руки на край парты и как бы слегка выдаваясь вперёд: ка-

залось, будто она заполняет собою комнату, охватывает всё взглядом, обращается к каждому – и только к тебе (потом, уже на лекциях, которые она всегда читала стоя, она находилась в такой же позе). Не помню, что она тогда говорила (пожелание успехов? любовь к литературе?), но точно уверен, что она цитировала Уистена Хью Одена и Александра Кушнера. Это вселило в меня уверенность в собственные силы (неслучайные совпадения): я кое-что помнил из Одена и решил этим воспользоваться (хотя во время подготовки к олимпиаде мне неоднократно говорили, что обращаться нужно только к русской литературе). А чуть позже, оказавшись на лекциях Ларисы Владимировны, я понял, что разделение (русская, английская, французская, грузинская, белорусская) литературы условно: настоящий филолог мыслит целостно, отражая в себе жизнь текста, как капля росы отражает солнце.

Забегая вперёд, теперь я вижу причудливый узор ткани – разумный сдвиг судьбы: в ушедшем году мы вместе с Ларисой Владимировной готовили задания к очередному витку олимпиады по литературе. Она, как и всегда, подошла к делу обстоятельно: принесла интересные материалы, внимательно прочитала придуманные задания, дала ценные советы, поставила именно те акценты, которые необходимо. И задания получились превосходные.

С кем же мне советоваться теперь?..

Учёба. Лариса Владимировна была многогранным литературоведом – филологом в подлинном смысле, настоящим толкователем – она умела проречь несказанное, найти скрытое, связать нити текста воедино. В фокусе её внимания была детская литература, литература стран ближнего зарубежья (о которой мечтала написать книгу, если бы была, по её словам, «кабинетным учёным»), современная мировая литература. Она ценила новейшую поэзию, которую цитировала наизусть (А. Кушнер, Л. Миллер, И. Кабыш, Ю. Мориц), и надеялась успеть написать книгу о «женской» поэзии (название, разумеется, условно). Постоянно обращалась к драматургии, чьи границы в современном литературном процессе расширились, заняли ведущее место, и даже написала о ней книгу. (Читая её, восторгаешься стилем: так изысканно просто, остроумно, без налёта псевдонаучности и с безостановочной работой мысли и удивительной глубиной постижения.) Сле-

дила за новинками в книжном мире, параллельно включая многое в курсы для магистрантов: романы А. Слаповского, Р. Сенчина, Е. Водолазкина... Из последнего, что она хотела обсудить, были романы «Шум времени» Джулиана Барнса (о Шостаковиче) и «Риф» Алексея Поляринова. Сколько замыслов – и все они, я уверен, не исчезнут: они воплотятся в учениках, отразятся во внимательных читателях, во всех тех, кто искренне любит литературу, как любила её Лариса Владимировна.

Как человек и педагог, Лариса Владимировна обладала удивительным даром слышать Другого. Оставаясь собой, занять чужую позицию, понять и принять её. Высказаться, найдя нужные, самые лучшие, умные, мудрые слова, поделиться заветными мыслями. Диалог с учителем в лице Ларисы Владимировны всегда был поиском Смыслов, общечеловеческой тональности, отличающей подлинное искусство слова от фальши.

Занятия, которые проводила Лариса Владимировна, нельзя было назвать просто «лекциями» или «семинарами»: это всегда был синтез, диалог, открытый для любых (но, естественно, аргументированных, выверенных, прочувствованных и осмысленных) мнений. Она всегда приносила с собой выписки из книг, томики стихотворений, журналы с писательскими интервью, тексты драм. Заранее давала задания, связанные с интереснейшими писателями и текстами (впрочем, каждого она могла представить самым интересным): прочитать, осмыслить, рассказать. Благодаря Ларисе Владимировне открылись имена и произведения (целые миры), которые всегда были на периферии читательского внимания. И никогда не было такого, чтобы слово оставалось без ответа: Лариса Владимировна всегда находила возможность прокомментировать выполненное задание, оценить интерпретацию, внести существенные правки. Понимая тот труднодостижимый уровень знаний и необъятную филологическую эрудицию, видя высокую интеллектуальную планку, не хотелось Ларису Владимировну огорчать – глупостью, плохой подготовкой, незнанием... (Хотя и такое бывало, за что невыносимо стыдно.) Она, как и тоже уже ушедший Виктор Иванович Бахмач, не была человеком полумер: полужнания, полупонимания, получтения. Но,

впрочем, всегда с горьким юмором и усталостью в голосе отмечала интеллектуальную лень человека.

За те шесть лет учёбы у Ларисы Владимировны и полтора года совместной работы на кафедре невозможно суммировать те знания, открытия, мысли, которые появились (остались, закрепились) в процессе общения с ней. С тоской вспоминаю, как почти ежедневно подсаживался к ней за соседний стол, сидел в пол-оборота, слушая её, что-то говоря ей: незначительно-значительное, глупо-умное, весело-грустное. А сколько осталось невысказанного!.. Пытаясь преодолеть бездну, я выстраиваю мостик – собираю книги, статьи, эссе, интервью Ларисы Владимировны. И благодаря этому у «читателя лёгкие расширяются в объёме». Но оттого и чувство утраты пульсирует сильнее...

Поразителен подвиг Ларисы Владимировны: остаться в городе, к которому приблизилась война; продолжить работать, несмотря на подорванное здоровье; сохранить мастерство и творческие силы, будучи окружённой косностью, тупоумием, моральной слабостью. Впрочем, это легко понять – исток подвига кроется в ней самой. В эссе об «Авиаторе» Водолазкина Лариса Владимировна обратила внимание, что «в каждом из нас есть часы со своим, абсолютно индивидуальным и непостижимым для других ходом, которые определяют собственные взаимоотношения личности со временем и Временем» («Крылья: Взмах шестнадцатый», 2022). Этот ход – мысли, чувства, поступка, – добрый и радостный юмор, бесконечная мудрость, неиссякаемый запас житейско-философских историй, вера в лучшее, которое обязательно прорастёт, как мировое древо, и охватит корнями каждого человека, – всё это поддерживало Ларису Владимировну. И поддерживало нас.

История Ларисы Владимировны, если воспользоваться словами Водолазкина, «вневременно освобождена», «ощущается поверх истории». Душа бессмертна – «и всё, к ней причастное, – поступки, события, ощущения», – сохранится. Но жизненное время, к сожалению, не обманешь. Поскольку жизнь... жизнь, по словам Ольги Седаковой,

... ведь – небольшая вещица:
вся, бывает, соберётся
на мизинце, на конце ресницы.
А смерть кругом неё, как море.